
DOI 10.15826/qr.2015.3.117

УДК 930.1+930.2+930.85+17.023.36

Людмила Мазур

**ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ:
НОВЫЙ ПОВОРОТ В РАЗВИТИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ¹**

Lyudmila Mazur

**THE VISUALIZATION OF HISTORY:
A NEW TURN IN THE DEVELOPMENT
OF HISTORICAL COGNITION**

The author analyzes the transformational processes of historical research in the advent of a society of visual culture. The development of visual anthropology became the most obvious factor of the visual turn in historical research, and it studies different manifestations of visibility, using new tools for collecting and registering data (such as a video camera). The increasing popularity of historical films and documentaries, museum installations and historic reconstructions testify to the intensification of the processes of visualization in historical research. The article gives a brief overview of the main stages of the transformation of historical research, including changes in style of language, the expansion of subject matter of research, the update of the resource base and analysis methods in relation to visual sources. The author emphasizes that there is a tendency among historians to use a wide variety of terms that are related to the visual approach (image, appearance, portrait, landscape, etc.).

The author focuses on the methodological and methodical aspects of historical-visual studies and considers the methodological approaches towards image reconstruction, mechanisms of image formation, the display of images and the influence of social consciousness and behavior on images. The increase in the amount of modern historical sources is caused by the increasing use of audio-visual sources. Special attention is paid to fictional films as a subtype of audio-visual documents; the author describes their potential and peculiarities of representation. It is noted that when analyzing video documents, it is necessary that the researcher take into account the character of information (images of the present and past). Films based on topics belonging to the same

¹ Тема поддержана грантом РГНФ № 14-01-00352 «Визуальные репрезентации советской деревни в художественном кинематографе 1920–1980-х гг.: источниковедческое исследование».

epoch as the researchers are the most attractive ones for analyzing as they contain a considerable amount of information reflecting the peculiarities of material culture, behavioral models and relationships as well as social types.

The author demonstrates that to study audio-visual sources it is necessary to use special methods, namely, the method of observation. The article studies its essence, and the methods of its adaptation to the analysis of audio-visual documents. Additionally, the article characterizes the main stages in the employment of the method when analyzing video documents. The study of visual sources forms special skills needed to work with information.

Keywords: visual anthropology; visual history; image; method of observation in history; modern historiography.

Анализируются процессы трансформации исторической науки в условиях формирования общества визуальной культуры. Наиболее очевидным показателем визуального поворота в исторической науке стало стремительное развитие визуальной антропологии, в рамках которой изучаются различные проявления визуальности и используется новый инструментарий сбора и фиксации информации (кинокамера). Об усилении процессов визуализации исторической науки свидетельствует растущая популярность историко-документального кино, музейных инсталляций, исторических реконструкций. Кратко охарактеризованы основные направления трансформации исторической науки, в том числе изменение стиля языка, расширение тематики исследований, обновление источниковой базы и методов анализа визуальных источников. Отмечено широкое использование в словаре историка понятий, связанных с визуальным подходом (образ, облик, портрет, ландшафт и пр.).

Основное внимание уделяется методологическим и методическим аспектам историко-визуальных исследований, рассматриваются методологические подходы к реконструкции и механизмам формирования образа; его трансляции; влиянию на общественное сознание и поведение. Расширение современной источниковой базы исторических исследований связано со все более широким использованием аудиовизуальных источников. Особое внимание уделено такой разновидности аудиовизуальных документов, как художественные фильмы, раскрываются их потенциал и особенности репрезентации информации. Отмечено, что при анализе кинодокументов необходимо учитывать прежде всего характер отражения информации (образы «настоящего» или «прошлого»). Наиболее интересными для исторического исследования являются фильмы на современную авторам тему, поскольку они содержат значительный пласт информации, отражающей особенности материальной культуры, поведенческих моделей и отношений, социальных типажей.

Показано, что для изучения аудиовизуальных источников необходимо использование особых методов, в частности метода наблюдения. В статье рассмотрены его содержание, проблемы адаптации его к изучению аудиовизуальных документов. Приводится характеристика основных этапов ре-

ализации метода наблюдения при изучении кинодокументов. Изучение визуальных источников формирует особые навыки работы с информацией.

Ключевые слова: визуальная антропология, визуальная история, обзор, метод наблюдения в истории, современная историография.

В условиях активной интеграции гуманитарных, общественных и естественных наук, переворачивающей привычный мир исследователя, мы постоянно оказываемся за пределами «зоны комфорта», то есть в положении, психологически очень сложном и неоднозначном. Историкам трудно отказаться от привычного мира архивных и кабинетных практик, в рамках которых основным помощником в понимании прошлого выступает исторический текст, а основными инструментами — перо и бумага. Однако время диктует другое. Мир визуальной культуры, о формировании которого настойчиво твердят социологи, искусствоведы и культурологи, оказывает влияние и формирует не только массовое сознание, но и науку, порождая новые научные направления, теории и практики.

По мнению В. Митчелла, за последние десятилетия произошел настоящий переворот в гуманитарных науках, связанный с изучением визуальной культуры и ее проявлений [Mitchell]. В исследованиях по истории и социологии кино, телевидения, массовой культуры, в философских работах и социологических теориях рассматриваются механизмы появления нового общества «спектакля»/«шоу», функционирующего по законам массовых коммуникаций, инсталляций и аудиовизуальных технологий. Рождается не просто новая модель культуры, создается новый мир, который перестает восприниматься как Текст, он становится Образом [см.: Усманова].

Все эти трансформации имеют далеко идущие последствия, поскольку затрагивают так или иначе все элементы общества, начиная от конкретного человека и заканчивая общественными практиками, в том числе научными. Основным каналом распространения информации становится аудиовизуальный (реклама, телевидение, видео, кинематограф), имеющий свои психофизиологические особенности воздействия, а механизмом восприятия — видение, которое воздействует преимущественно на чувства и эмоции человека (первая сигнальная система). Новая информационная среда, в свою очередь, формирует новый тип «человека смотрящего» и, соответственно, предъявляет свои требования к информационным продуктам.

Для нас важно понять, какие изменения происходят в этих условиях в научных практиках, в том числе в исторической науке, для которой письменный текст был и остается основным источником информации и способом репрезентации исторического знания. В целом в исторической науке визуальный поворот совершается медленнее, чем в социологии или культурологии, и имеет свои особенности, поскольку «видимость» для историка понятие условное. Живая событийная реальность прошлого недоступна для прямого восприятия,

только через источники (письменные, иконографические, аудиовизуальные). Текст, письменный источник остается основой исторического познания и его символом. Он определяет основные методы и технологии работы историка.

Однако историческая наука не остается в стороне от новых веяний. Можно говорить о комплексном, многоуровневом влиянии визуальной культуры на нее:

- складываются новые направления исследований (например, визуальная антропология; визуальная история; исторические реконструкции);
- расширяется проблемно-тематическое поле за счет включения сюжетов из истории повседневности, исторической памяти, общественного сознания, что, с одной стороны, связано с реконструкцией и интерпретацией образов, а с другой, предполагает апелляцию к визуально воспринимаемой реальности;
- происходит постепенное изменение языка исторической науки и его понятийного аппарата, где все более широкое применение находят слова и термины, отражающие различные варианты визуализации («портрет», «образ», «облик», «ландшафт» и пр.);
- приобретают популярность новые методологические концепты (теория видения и визуального; концепт «образа»);
- происходит расширение источниковой базы исторических исследований за счет привлечения фото-, аудиовизуальных, изобразительных источников;
- получают развитие новые, нетрадиционные методы и технологии исторического исследования (методы наблюдения, технологии анализа визуальной исторической информации);
- происходит визуализация традиционных способов репрезентации результатов исторического исследования; в частности, появляются мультимедиапубликации [см., например: Виртуальный музей], документально-исторические фильмы, этнокино и пр.

Каждый из отмеченных выше аспектов нуждается в тщательном изучении с выходом на новое понимание задач и технологий истории как науки. В данной статье мы остановимся на некоторых из них, в том числе на методологических и методических проблемах визуализации исторической науки.

Визуализация исторической науки

Наиболее очевидным проявлением визуального поворота в исторической науке стало стремительное развитие визуальной антропологии, которая, по мнению В. М. Магидова, превращается в одну из фундаментальных научных отраслей, объединяя культурологов, социологов, историков, философов и задавая определенный тренд в

способах познания культуры и общества [Магидов, 2012]. В СССР интерес к данному направлению явственно проявился в 1970-е гг., отсчет визуально-антропологических исследований в зарубежной науке начался еще раньше — в 1920-е.

Первоначально под визуальной антропологией понимали этнографическое документирование средствами фото- и киносъемки. На этих позициях до сих пор находится Центр визуальной антропологии при Московском государственном университете, начавший свою деятельность еще с 1991 г. (руководитель Е. В. Александров)². Однако довольно скоро рамки визуальной антропологии стали восприниматься значительно шире, в контексте не столько этнографического, сколько общеполитического дискурса. В таком, более широком смысле склонны трактовать визуальную антропологию в Центре визуальной антропологии и этноистории Российского государственного гуманитарного университета (руководитель Н. И. Басовская)³. Большой интерес к развитию визуальной антропологии сегодня проявляет и киноведческая общественность, хотя ее представители, и в частности К. Э. Разлогов, рассматривают визуальную антропологию еще более широко — в контексте «культурной антропологии» [Разлогов].

Жизненный потенциал визуальной антропологии, рост интереса научной общественности к ее проблемам находят свое выражение в активной регионализации: мы наблюдаем устойчивое увеличение числа центров и лабораторий визуальной антропологии, которые создаются не только в столицах, но и в различных регионах России (Екатеринбург, Пермь, Омск, Чебоксары, Новосибирск и др.).

К сфере визуальной антропологии относятся также научные практики, основанные на анализе разнообразных изобразительных источников, среди которых важное место занимают фото- и кинодокументы. Развитие нового направления связано с постановкой и решением целого ряда методологических проблем, в том числе с разработкой понятийного аппарата, обоснованием критериев анализа информации, полученной в ходе визуально-антропологических исследований. Наиболее активно эти вопросы обсуждаются в трудах зарубежных антропологов, которые раньше включились в процесс когнитивной перестройки исторической науки [см., например: Барт; MacDougall; Гирц; Круткин (Дж. Руби); и др.].

Помимо методологических основ в рамках визуальной антропологии складывается своя методическая база, которая также существенно отличается от традиционных исследовательских практик. Она включает прежде всего особые методы документирования визуальной информации (видео-, фотосъемка), рассматривая их в контексте фиксации и интерпретации реальности через объектив кинокамеры [см.: Головнёв].

² См. сайт Центра: <http://visant.etnos.ru/about/project.php> (дата обращения: 11.06.2015).

³ См. сайт Центра: <http://visantrop.rsuh.ru/> (дата обращения: 11.06.2015).

Ярким примером новых форм проявления визуальной антропологии является Российский фестиваль антропологических фильмов, председателем которого выступает член-корр. А. Головнёв⁴. Используя в качестве основного инструмента визуальных репрезентаций образы, киноантропологи создают принципиально новый, сложно структурированный документ, который можно рассматривать и как научный текст, и как источник, созданный исследователем. Используя этнокино в качестве научного текста/источника, мы сталкиваемся с субъективацией информации, возведенной в квадрат, поскольку оно создается по законам киножанра и оперирует образами. Как справедливо отмечает Я. Панакова, визуальность не обладает явностью текста [Панакова, с. 165]. Потребовались столетия, прежде чем историки признали факт «одушевленности» исторического источника и разработали адекватные методы анализа, позволяющие максимально объективировать содержание письменных исторических документов. Современные темпы развития науки практически не оставляют времени для решения этой методической проблемы по отношению к визуальным документам.

Утверждение, что в рамках визуальной антропологии происходит становление нового направления — визуальной истории, подкрепляется появлением интересных сборников статей и монографий [см.: Визуальная антропология: режимы видимости; Визуальная антропология: настройка оптики; Очевидная история; История страны; Нарский; и др.], авторы которых успешно расширяют предметное поле отечественной исторической науки [см.: Щербакова]. Особенно плодотворны в этом отношении исследования, ориентированные на изучение визуальности, используемой в пропаганде, агитации, рекламе, архитектуре и других вариантах общественных практик прошлого [Лейдингер; Roberts]. Они свидетельствуют о новом этапе эволюции исторической науки, где визуальные источники играют все большую роль, а внимание исследователей сосредотачивается на проблемах исторической визуальности, методах прочтения и интерпретации визуальных репрезентаций.

Образ как понятие исторической науки

О визуальном повороте исторической науки опосредованно свидетельствует широкое использование в современном словаре историка терминов, связанных с визуализацией (образ, облик, портрет, ландшафт и пр.). Уже на рубеже 1970–80-х гг. из социологии в исследования советских историков начинают проникать такие понятия, как «социальный портрет», «социальный облик», «образ жизни» и т. п. Многомерность вводимых в научный оборот «визуализированных»

⁴ См. сайт фестиваля: <http://rfaf.ru/rus/video/203> (дата обращения: 15.12.2014).

понятий сопровождалась их стремительной концептуализацией, обрастанием теоретическими смыслами и представлениями. Так, например, В. И. Казакова предлагает рассматривать понятие «социальный портрет» как «концепт... отражающий тенденцию эстетизации современного общества. <...> ...Как симптом и символ информационного (вернее, визуального. — Л. М.) общества, одно из воплощений “смерти” социального, которое переживается сейчас в горизонте художественного мировосприятия» [Казакова, с. 32]. Тематика, связанная с реконструкцией социальных портретов определенных социальных групп (коммунисты, молодежь, рабочие и пр.) в их исторической ретроспективе, начала активно изучаться отечественными историками в 1990–2000-е гг., но раскрывалась преимущественно в традиционном статистико-социологическом ракурсе [см.: Советский простой человек; Воробьев; Обрезкова; и др.], порождая вопросы и оставляя некоторую неопределенность и неудовлетворенность характером интерпретации материала.

Сегодня практически в каждой пятой диссертации по историческим наукам в качестве базового понятия используется категория «образа», с помощью которого пытаются реконструировать и описать не только собственно «образы» как факты общественного сознания, но и вполне традиционные исторические объекты — события, организации, личности. При этом применяемое историками понятие образа остается пока слабо структурированным и в значительной степени неопределенным, поскольку строится не на логических принципах моделирования, а на «восприятии» (фактически визуализации) — то есть способе познания, имеющем ярко выраженный субъективный характер с опорой на чувственный опыт.

Понятие «образа» имеет междисциплинарную природу⁵. Появившись изначально как атрибут религии, оно стало основным инструментом познания в литературоведении, культурологии, искусствоведении. В большинстве определений подчеркивается, что «образ» представляет собой инструмент художественного творчества, искусства, и в этом смысле он противопоставляется строгому научному понятийному знанию, что способствует конфликтности восприятия проблемы образа в качестве объекта научного исследования.

В трудах историков чаще всего образ определяется как продукт общественного сознания, отражающий индивидуальные и группо-

⁵ Сложная семантическая нагрузка отражается в разнообразии определений данного термина. В толковом словаре Ожегова мы находим дефиницию, которая характеризует образ как живое, *наглядное представление* о ком-чем-либо [Образ]. В философии он воспринимается в качестве результата и *идеальной формы отражения* предметов и явлений материального мира в сознании человека; в искусствоведении — как *обобщенное художественное отражение* действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления [Роднянская]. В литературоведении «художественный образ» определяется через категорию *модели мира*, всегда в чем-то не совпадающей с той, которая нам привычна, но всегда узнаваемой. С позиций семиотики «образ» рассматривается как *знак*, получивший дополнительное значение в существующей системе знаков [Николаев, с. 34–38].

вые эмоционально окрашенные представления о различных географических, социокультурных, исторических феноменах [Голубев, Поршнева, с. 6]. «Образ» рассматривается и как отражение результатов чувственного восприятия чего-либо с опорой на исторические источники, и как результат обобщения эмпирического материала, достигнутый через использование логических (типология, моделирование, структурирование) и эстетических приемов анализа.

Структура и содержание образа раскрываются через такие категории, как историческая модель (целостное представление), идеальный тип, стереотип, исторический миф. Собственно, они и определяют конкретные исследовательские подходы, поскольку фокусируют внимание на различных вариантах образа, которые могут существовать одновременно (идеальный, массовый, мифологизированный, индивидуальный и пр.). Каждая из этих категорий сама по себе представляет сложный теоретический конструкт, утяжеляя собственно исторические интерпретации образа и перемещая их в плоскость историко-философского познания. Исследование исторического образа чего-кого-либо выдвигает особые требования к используемым документальным историческим источникам, а также методам, которые должны соответствовать задачам ментальных реконструкций [см., например: Porshneva]. В качестве центральных вопросов изучения образов выделяются: механизмы их формирования и трансляции; влияние их на общественное сознание и поведение; факторы их трансформации и эволюции.

Разнообразие подходов к изучению исторического «образа» чего-либо (страны, социальной группы, семьи, врага, союзника, детства, исторической науки и т. д. и т. п.) [см.: Оболенская; Голубев; Корзун; Родигина; Сенявская; Сенявский, Сенявская; Кныш; Голубев, Поршнева; и др.] представляет собой попытку по-новому взглянуть на явления прошлого — с позиций визуального восприятия. В этом смысле методы реконструкции и интерпретации образа можно рассматривать как стремление отойти от рациональных приемов обобщения исторической информации и обращение к так называемым «качественным» методам познания, основанным на законах чувственного восприятия.

Проблемы деконструкции (на уровне источника) и реконструкции (на уровне исследования) образа тесно связаны с переводом визуальной информации в вербальную. Причем историческая реконструкция образа вынужденно осуществляется с помощью научного языка, который имеет абстрактно-логическую природу и слабо настроен на передачу визуальной, то есть эмоциональной по своей природе, информации. Важнейшими свойствами любого, в том числе исторического, образа выступают его метафоричность, узнаваемость и эмоциональность, что обеспечивает реализацию его коммуникативных функций. Как достичь этого, используя строгий язык науки? Тенденция придавать историческим описаниям литературность при-

существовала в исторической науке всегда, но в настоящее время эта тенденция становится все более значимой. Историк должен писать не только точно, но и образно.

Но возможен и другой путь — сохранение традиций строгого научного описания образов за счет более тщательной структуризации понятия. Структура исторического образа как абстрактно-символьной модели прошлого включает определенные базовые элементы: это имя (ключевое слово / ключевые слова) и форма. При этом имя имеет символьную абстрактно-метафорическую природу, а форма может быть представлена в виде текста (сюжетного описания), который должен соответствовать особенностям изучаемого, либо в виде фразы (дискурса) или символа/знака.

Данные подходы к реконструкции образа в основе своей соответствуют апробированным приемам изучения мифа. И это не случайно, так как образ является сердцевиной мифа и по своей структуре и функциям соотносится с ним. Чрезвычайно плодотворными в этом отношении представляются идеи Ю. М. Лотмана, выделяющего в структуре мифа три основных уровня: миф-текст, миф-знак, миф-пространство [Лотман], которые вполне приложимы к инсталляции образа в историческом исследовании.

Итак, новая культурологическая ситуация, порождаемая визуальным поворотом, ставит перед историками сложные методологические вопросы. Что такое образ и является ли визуальность его необходимым свойством? Можно ли рассматривать визуальные образы как источники исторической информации? Какие методы наиболее адекватны задачам изучения визуальных образов? Как соотносить язык образов с вербальным языком? Каково соотношение исторической реальности и исторических форм визуальной культуры? И т. д. Вопросов пока больше, чем ответов, но они являются первым шагом к познанию.

Визуальные источники и метод наблюдения в исторической науке

Визуализация истории связана с введением в научный оборот новых комплексов изобразительных исторических источников. Значительным информационным потенциалом обладает русская живопись XIX в., в которой «представлена вся история России, все важные темы того времени, — отмечает Г. Пикхан. — Произведения художников могут быть историческим источником», — утверждает она, реализуя эту мысль в своем научном творчестве [Пикхан, с. 49]. Среди визуальных источников особое место занимают фото-, кинодокументы. Они все чаще становятся основной для исторических исследований.

Интерес к фотографии как особому типу источника возник уже давно, и на сегодняшний день мы имеем сложившуюся традицию использования фотодокументов в качестве основы исторического исследования [см.: Магидов, 2005; Нарский; Главацкая; Красильников, Рубинина; и др.]. Кинодокументы пока остаются в тени, лишь изредка становясь предметом исследования [см.: Дашкова, 1999; 2004; Димони; и др.]. Осторожность историков вполне понятна: признавая за кинодокументами способность отражения правды жизни, они пока не владеют необходимыми методами их исторической интерпретации. Причем эмоциональное восприятие кино оказывается, как правило, более сильным, чем попытки рационального анализа. Это порождает недоверие и отказ от использования этого источника в исторических исследованиях.

Традиционно кинодокументы подразделяются на два вида — документальные и художественные. Они различаются подходами к отражению реальности. Документальные фильмы не вполне обоснованно считаются более достоверными, чем художественные, поскольку фиксируют «объективную реальность» [см.: Магидов, 2005]. Художественное кино отражает вымышленную реальность, и это выводит его за пределы понятия «достоверность», хотя художественные тексты уже давно и успешно используются историками, особенно антиковедами и медиевистами.

Специфика кинематографа такова, что любые тексты — и документальные, и художественные — семиотичны, то есть их основным элементом выступает образ, создаваемый различными средствами. Поскольку художественное кино обладает более широким спектром изобразительных средств (это не только режиссерский замысел, операторская работа, музыка, текст — как в документальном кино, но и игра актеров, диалоговый дискурс, декоративные эффекты и пр.), оно обладает способностью более многогранно воплотить образ мира. Кроме того, необходимо учитывать, что любой фильм — это чаще всего результат коллективного творчества (режиссера, сценариста, актеров, оператора, композитора и пр.). А если еще помнить про цензуру, то кино становится отражением коллективного сознательного и бессознательного, в том числе общественных мифов и стереотипов.

Информационный потенциал аудиовизуальных источников огромен, но, чтобы его активировать, требуются особые методы, учитывающие родо-видовые и жанровые свойства документов: это специфическая художественно-идеальная форма отражения реальности, технотронный характер, особые идеологические, воспитательные и информационные функции кинематографа, его воздействие на сознание и модели поведения людей (эффект кодирования).

Речь идет о появлении в лаборатории историка особых визуальных технологий, отличительной чертой которых выступает использование «неисторических» приемов сбора, фиксации и интерпретации информации, прежде всего методов наблюдения. Следует подчер-

кнуть, что эти методы не являются чем-то принципиально чуждым для исторической науки. Быть может, здесь сказываются отголоски летописного прошлого истории, когда роль очевидца была вполне типичной для составителя хроник. О возможностях применения метода наблюдения рассуждал А. С. Лаппо-Данилевский, подчеркивая, что только «незначительная часть действительности, протекающей пред историком, непосредственно доступна личному его чувственному восприятию» [Лаппо-Данилевский, с. 277]. Возможность реализации исторического наблюдения отмечена в работах М. Блока, который определяет его как опосредованное восприятие прошлого с опорой на свидетельства источников, обладающих свойствами визуальности (вещественные, этнографические, письменные) [Блок].

Прямое наблюдение для историка останется, видимо, недоступным и в дальнейшем, поскольку участие в историческом событии и его наблюдение — это не одно и то же. Наблюдение как метод отличается своей целенаправленностью, организованностью, а также обязательностью регистрации информации непосредственно в ходе наблюдения. Соблюдение всех этих условий, и прежде всего позиции нейтрального наблюдателя, невозможно для очевидца, который, участвуя в событиях, не может регулировать сам процесс его прослеживания и комплексной оценки. Для этого нужно планировать наблюдение и готовиться к нему, вводить контрольные элементы. В противном случае мы получаем на выходе вариант мемуаров, который можно рассматривать как разновидность самонаблюдения, но оно не компенсирует субъективности восприятия.

Можно выделить основные проблемы изучения киноисточников.

1) Проблема отбора фильма/фильмов в качестве исторического источника. В этом вопросе принципиально важным является соблюдение принципа историчности по отношению к кинодокументам. Их условно можно разделить на две категории: актуальные фильмы, то есть снятые на «современную тему» и отражающие образы «настоящего»; и ретроспективные фильмы, которые традиционно относят к жанру исторического кино. Особенность данной категории кинодокументов состоит в том, что они представляют образы прошлого, созданные в разное время. Помимо характера отражения реальности, при отборе фильмов неизбежно возникают проблемы качества кино: какие фильмы изучать в первую очередь? Те, которые стали классикой или остались рядовым событием для кинематографа? В каждом случае этот вопрос решается отдельно. Массовое кино может быть более информативным для изучения стереотипов, стандартных ситуаций, актуальных проблем. Сила «высоких» произведений искусства в умении создать те образы, которые отражают сущность эпохи и обращены к решению «вечных» вопросов. Сочетание количественного анализа фильмов с феноменологическим здесь представляется очень важным, поскольку позволяет рассмотреть изучаемые явления на микро- и макроуровне. Особой осторожности требует историческое

кино, где зачастую присутствуют анахронизмы, отвечающие потребностям современного зрителя.

2) Проблема источниковедческого анализа фильмов. Очень часто приходится слышать о недостоверности художественных фильмов как источников для изучения прошлого. Выдуманная реальность, выстроенная по законам искусства, на первый взгляд не может рассматриваться как надежный свидетель. В советском кино, к примеру, на протяжении всей его истории большую роль играли идеологический заказ, цензура и требования соответствия критериям социалистического реализма. Все это накладывало свой отпечаток на аудиовизуальные источники и, следовательно, требует тщательной источниковедческой оценки, в том числе изучения информации об авторах фильма, его целях, общей идее, времени и условиях создания, общественном резонансе и т. п. — в общем, о том, что обычно обозначается словом «судьба» фильма. Источниковедческое исследование, неизбежно приобретаая черты киноведческого, не должно ограничиваться только этим, поскольку историку важно понимание того, какая информация в кинодокументе является наиболее достоверной, а какая — нет и почему.

3) Проблема метода анализа аудиовизуальных источников, к которому относится метод структурированного наблюдения. В основе наблюдения лежит неоднократный просмотр фильма: первоначально — для получения общего впечатления, знакомства с сюжетом, основными героями и событиями, определением основной и второстепенных тем, центральной проблемы, оценки жанровых и изобразительных приемов создания образов. Кроме того, необходимо уточнить характер презентуемой визуальной информации: непосредственное отражение или реконструкция реальных/вымышленных фактов. Повторное наблюдение по уточненному исследователем плану позволяет сосредоточиться на тех сюжетах и сценах фильма, которые наиболее важны для анализа рассматриваемой проблемы (например, для изучения религиозных практик или миграционных настроений; изменений в образе жизни, моделях поведения и пр.). Повторное наблюдение сопровождается обязательной фиксацией информации в форме записей с уточнением минуты просмотра, контекста и роли наблюдаемого эпизода в сюжете. Особенностью метода наблюдения выступает то, что его результаты отличаются известной субъективностью, поскольку проецируются на ментальную сетку наблюдателя и интерпретируются с учетом присущей ему системы ценностей и представлений. Поэтому очень важно использовать контрольные элементы (увеличение числа просмотров или же количества наблюдателей).

4) Проблема реконструкции исторической реальности на основе оценки зафиксированных информационных элементов с учетом их образного решения. Интерпретация визуальных источников нуждается в обязательной верификации путем сравнения с другими источниками информации.

Помимо проблем интерпретации визуальных текстов появляются принципиально новые темы для исторических исследований, связанные с изучением публичности кинематографа. С одной стороны, кинематограф выступает как канал отражения массовых представлений, ожиданий, стереотипов, а с другой, обладая программирующим воздействием, оказывает влияние на зрителей, моделируя их поведение, конструируя их оценки реальности. Это проявление визуальной культуры пока не находится в поле внимания российских историков, но без его учета очень сложно судить о социальной, политической, культурной динамике общественной жизни, а тем более о таких ее ментальных проявлениях, как стереотипы, мифы, идеалы.

Таким образом, изучение визуальных источников предполагает формирование особых навыков работы с информацией. На первый взгляд, зрительное восприятие относится к числу наиболее простых видов психофизиологической деятельности, основанных на ассоциативном понимании и образном усвоении информации. Но такое мнение во многом обманчиво. Историк должен обладать опытом визуальной культуры — это то, что часто называют «насмотренностью», позволяющей корректно воспринимать, анализировать, оценивать, сопоставлять визуальную информацию. Отдельно следует выделить задачу распознавания визуальных кодов, поскольку они конкретно историчны и по истечении нескольких десятилетий могут прочитываться некорректно, а ключи к этим кодам чаще всего лежат в области обыденного или национального и могут быть не очевидны зрителю из будущего. Иначе говоря, интерпретация самого текста настолько же важна, насколько и знание внетекстовых (исторических, социальных, экономических) параметров его производства и функционирования. Свои сложности имеет решение проблемы соотношения визуальной информации и текста (вербализации увиденного), нахождения оптимального взаимодействия этих знаковых систем, имеющих некоторые общие корни, но весьма отличных по своим механизмам функционирования (психофизиологический и логический). Здесь требуются свои «словари», свои технологии перевода. Таким образом, историческая наука сегодня вступает в новую культурологическую реальность и, отвечая на ее вызовы, неизбежно меняется. Это уже не первый методологический поворот, но, может быть, наиболее значительный.

Список литературы

- Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
- Блок М. Апология истории или ремесло историка. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1986. 259 с.
- Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М. : Вариант : ЦСПГИ, 2009. 296 с.
- Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М. : Вариант : ЦСПГИ, 2009. 448 с.

Виртуальный музей советского быта «Коммунальная квартира», 2007 [сайт] / И. Утехин, С. Паперно, Н. Рис, А. Нахимовски. URL: <http://kommunalka.colgate.edu> (дата обращения: 15.06.2013).

Воробьев С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: историко-ведческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

Гириц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.

Главацкая Е. М. Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2012. № 1 (99). С. 217–225.

Головинёв А. В. Киноантропология // Искусство и наука в современном мире : Доклад на Международной конференции, Москва, 11 нояб. 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: valerytishkov.ru/engine/documents/document1341.doc (дата обращения: 10.06.2013).

Голубев А. В. Формирование образа внешнего мира в СССР. 30-е гг. // Российская ментальность: методы и проблемы изучения : Сб. ст. / под ред. А. А. Горского. М. : ИРИ РАН, 1999. С. 7–33.

Голубев А. В., Поршнев А. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М. : Новый хронограф, 2012. 392 с.

Дашкова Т. Визуальная интерпретация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов // Логос. 1999. № 11/12 (21). С. 131–155.

Дашкова Т. Ю. Любовь и быт в кинофильмах 1930 — начала 1950-х гг. // История страны. История кино / под ред. С. С. Секиринского. М. : Знак, 2004. С. 218–234.

Димони Т. М. «Председатель»: судьбы послевоенной деревни в кинокартине первой половины 1960-х гг. // История страны. История кино / под ред. С. С. Секиринского. М. : Знак, 2004. С. 281–299.

История страны. История кино / ред., сост., авт. предисл. С. С. Секиринский. М. : Знак, 2004. 496 с.

Казакова В. И. Социальный портрет как объект феноменологического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. : Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 32–38.

Кныш Н. А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 250 с.

Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск ; Екатеринбург : ОмГУ, 2000. 226 с.

Красильников А. В. К вопросу исследования фото документов по истории всенародного движения в помощь фронту во время Великой Отечественной войны // Вестник военного университета. 2011. № 3 (27). С. 138–141.

Круткин В. Л. Дж. Руби. Визуальная антропология // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность : Сб. науч. ст. / под ред. Е. Ярской-Смирновой, В. Романова, В. Круткина. Саратов : Научная книга, 2007. С. 398–412.

Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М. : Территория будущего, 2006. 472 с.

Лейдингер Х. [Leidinger H.] Визуализация восточного фронта в австро-венгерской пропаганде Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 112–128.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. 704 с.

Магидов В. М. Визуальная антропология как социокультурное явление в ретроспективе и перспективе современного исторического знания, [2012] [Электронный ресурс]. URL: http://www.mdni.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/statii/v_m_magido.html (дата обращения: 01.07.2013).

Магидов В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М. : Изд-во РГГУ, 2005. 394 с.

Нарский И. В. Фотокарточка на память : Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историографический роман). Челябинск : Энциклопедия, 2008. 516 с.

Николаев А. И. Основы литературоведения : Учебное пособие. Иваново : ЛИСТОС, 2011. 255 с.

Оболенская С. В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. М. : Наука, 1991. С. 160–185.

Образ // Толковый словарь / С. И. Ожегов [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.depport.ru/slovar/ojegov/o/1-obraz.html> (дата обращения: 07.12.2014).

Обрезкова Н. В. Донская горожанка: социальный портрет и повседневность 1920-х годов : дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2011. 254 с.

Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск : Каменный пояс, 2008. 476 с.

Панакова Я. Визуальные методы: на пути к постижению миграционного опыта // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 4. С. 161–177 [Электронный ресурс]. URL: www.old.jourssa.ru/2007/4/7aPanakova.pdf (дата обращения 08.07.2013).

Пикхан Г. Моя Россия. Темы и образы // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 36–52.

Разлогов К. Искусство экрана: от синематографа до интернета. М. : РОССПЭН, 2010. 287с.

Родигина Н. И. «Другая Россия». Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2006. 328 с.

Роднянская И. Б. Художественный образ // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Художественный%20образ/> (дата обращения 08.12.2014).

Рубинина З. М. Семейный фотографический архив как исторический источник (на примере архива семьи Левицких из коллекции ГИМ) // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 109–120.

Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века. Эволюция образа «врага» в сознании армии и общества. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 288 с.

Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имеджинология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. 2006. № 2 (6). С. 54–72.

Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 80–90-х / отв. ред. Ю. А. Левада. М. : Интерцентр, 1993. 300 с.

Усманова А. Визуальные исследования как исследовательская парадигма [Электронный ресурс]. URL: <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=108> (дата обращения: 16.01.2013)

Щербакова Е. И. Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России — III : Пятнадцать лет спустя / под ред. Г. А. Бордюгова. М. : АИРО-XXI, 2011. С. 473–488.

MacDougall D. Transcultural Cinema / ed. L. Taylor. Princeton : Princeton University Press, 1998.

Mitchell W. J. T. What is Visual Culture? // Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside/ ed. I. Lavin. Princeton, NJ : Institute for Advanced Study, 1995.

Porshneva O. Image of the German enemy as perceived by Russian army soldiers during World War I // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 79–94.

Roberts Gr. Imperial Visions: Packaging Design, Branding and National Identity in Contemporary Russia [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/5443570/Imperial_Visions_Packaging_Design_Branding_and_National_Identity_in_Contemporary_Russia (дата обращения: 21.01.2015).

References

Bart, R. & Kosikov, G. K. (Comp., transl. from Fr., Foreword). (1989). Ritorika obraza [Rhetoric of the Image]. In *Izbranny'e raboty': Semiotika: Poe'tika*. 616 p. Moscow, Progress.

Blok, M. (1986). *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [The Apologia of History or the Craft of an Historian]. (2nd ed.). 259 p. Moscow, Nauka.

Centr vizual'noj antropologii MGU [The Moscow State University Centre of Visual Anthropology]. Available at: <http://visant.etnos.ru/about/project.php> (accessed: 11.06.2013).

Dashkova, T. (1999). Vizual'naya interpretaciya zhenskogo tela v sovetskoj massovoj kul'ture 30-h godov [The Visual Interpretation of a Woman's Body in the Soviet Mass Culture of the 1930s]. In *Logos, 11/12 (21)*, pp. 131–155.

Dashkova, T. Yu. (2004). Lyubov' i by't v kinofil'mah 1930 — nachala 1950-h gg. [Love and Everyday Life in the Films of the 1930s – Early 1950s]. In Sekirinskij, S. S. (Ed). *Istoriya strany'. Istoriya kino* (pp. 218–234). Moscow, Znack.

Dimoni, T. M. (2004). «Predsedatel'»: sud'by' poslevoennoj derevni v kinokartine pervoj poloviny' 1960-h gg. [The Chairman: The Life of the Postwar Village in the Films of the 1st Half of the 1960s]. In Sekirinskij, S. S. (Ed). *Istoriya strany'. Istoriya kino* (pp. 281–299). Moscow, Znack.

Girc, K. (2004). *Interpretaciya kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. (Transl. from Eng.). 560 p. Moscow, Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPEN).

Glavaczskaya, E. M. (2012). Fotodokumenty' kak istoricheskij istochnik: opyt atribucii, kriticheskogo analiza i nauchnogo citirovaniya [Photographic Documents as an Historical Source: An Attempt at Attribution, Critical Analysis and Scientific Citation]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarny'e nauki, 1* (99), pp. 217–225.

Golovnyov, A. V. Kinoantropologiya [Cinematographic Anthropology]. In *Iskusstvo i nauka v sovremennom mire : Doklad na Mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 11 noyab. 2009 g.* Available at: valerytishkov.ru/engine/documents/document1341.doc? (accessed: 10.06.2013).

Golubev, A. V. (1999). Formirovanie obraza vneshnego mira v SSSR. 30-e gg. [Outer World Image Formation in the USSR, 1930s]. In Gorskogij, A. A. (Ed.). *Rossijskaya mental'nost': metody' i problemy' izucheniya: sbornik statej* (pp. 7–33). Moscow, IRI RAN.

Golubev, A. V. & Porshneva, A. S. (2012). *Obraz soyuznika v soznanii rossijskogo obshchestva v kontekste mirovy'h vojn* [The Image of the Ally in the Consciousness of Russian Society in the Context of World Wars]. 392 p. Moscow, Novy'j hronograf.

Kazakova, V. I. (2011). Social'ny'j portret kak ob'ekt fenomenologicheskogo analiza [A Social Portrait as an Object of Phenomenological Analysis]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'ny'e nauki, 1* (21), pp. 32–38.

Kny'sh, N. A. (2009). *Obraz sovetskoj istoricheskoy nauki v pervoe poslevoennoe desyatiletie* [The Image of Soviet Historical Science in the 1st Postwar Decade]. (A PhD Thesis in History). 250 p. Omsk.

Korzun, V. P. (2000). *Obrazy' istoricheskoy nauki na rubezhe XIX–XX vv. (analiz otechestvenny'h istoriograficheskikh koncepcij)* [The Image of Soviet Historical Science at the Turn of the 20th Century (An Analysis of Russian Historiographic Concepts)]. 226 p. Omsk & Ekaterinburg, OmGU.

Krasil'nikov, A. V. (2011). K voprosu issledovaniya fotodokumentov po istorii vsenarodnogo dvizheniya v pomoshh' frontu vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny' [On the Issue of Photographic Documents Study of the Popular Movement to Aid the Front during the Great Patriotic War]. In *Vestnik voennogo universiteta, 3* (27), pp. 138–141.

Krutkin, V. L. (2007). Dzh. Rubi. Vizual'naya antropologiya [Visual Anthropology by J. Ruby]. In Yarskoj-Smirnovoj, E. Romanova, V. & Krutkina, V. *Vizual'naya antropologiya: novy'e vzglyady' na social'nuyu real'nost': sbornik nauchny'h statej* (pp. 398–412). Saratov, Nauchnaya kniga.

Lappo-Danilevskij, A. S. (2006). *Metodologiya istorii* [The Methodology of History]. 472 p. Moscow, Territoriya budushhego.

Lejdinger, H. [Leidinger H.] (2014). Vizualizaciya vostochnogo fronta v avstro- vengerskoj propagande Pervoj mirovoj vojny' [Visualization of the Eastern Front in Austro-Hungarian World War I Propaganda]. In *Quaestio Rossica, 1*, pp. 112–128.

Levada, Yu. A. (Ed.) (1993). *Sovetskij prostoj chelovek: opyt social'nogo portreta na rubezhe 80–90-h* [A Common Soviet Person: A Social Portrait at the Turn of the 1980–1990s]. 300 p. Moscow, Intercentr.

Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphere]. 704 p. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB.

MacDougall, D. & Taylor, L. (Ed.). (1998). *Transcultural Cinema*. Princeton, Princeton University Press.

Magidov, V. M. (2012). Vizual'naya antropologiya kak sociokul'turnoe yavlenie v retrospektive i perspektive sovremennogo istoricheskogo znaniya [Visual Anthropology as a Socio-cultural Phenomenon in Retrospective and Perspective of Modern Historical Knowledge]. Available at: http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/v_m_magido.html (accessed: 01.07.2013).

Magidov, V. M. (2005). *Kinofotofonodokumenty' v kontekste istoricheskogo znaniya* [Film and Photographic Documents in the Context of Historical Knowledge]. 394 p. Moscow, Izd-vo RGGU.

- Mitchell, W. J. T. (1995). What is Visual Culture? In Lavin, I. (Ed.). *Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside*. Princeton, NJ, Institute for Advanced Study.
- Narskij, I. V. (2008). *Fotokartochka na pamyat' : Semejny'e istorii, fotograficheskie poslaniya i sovetskoe detstvo (Avtobio-istoriograficheskij roman)* [A Photograph as a Keepsake: Modern Stories, Photographic Messages and Soviet Childhood]. 516 p. Chelyabinsk, E'nciklopediya.
- Nikolaev, A. I. (2011). *Osnovy' literaturovedeniya : Uchebnoe posobie* [Foundations of Literary Criticism: A Manual]. 255 p. Ivanovo, LISTOS.
- Obolenskaya, S. V. (1991). *Obraz nemca v russkoj narodnoj kul'ture XVIII–XIX vv.* [The Image of Germans in the Russian Culture of the 18th – 19th Centuries]. In *Odissej. Chelovek v istorii. Kul'turno-antropologicheskaya istoriya segodnya. 1991* (pp. 160–185). Moscow, Nauka.
- Obraz [Image]. In Ozhegov, S. I. *Tolkovyj slovar'*. Available at: <http://lib.deport.ru/slovar/ojegov/o/1-obraz.html> (accessed: 07.12.2014).
- Obrezkova, N. V. (2011). *Donskaya gorozhanka: social'ny'j portret i povsednevnost' 1920-h godov* [A Female Citizen of the Don Region: A Social Portrait and Everyday Life of the 1920s]. (A PhD Thesis in History). 254 p. Novocherkassk.
- Ochevidnaya istoriya. *Problemy 2032 vizual'noj istorii Rossii XX stoletiya* [An Obvious History. Issues of the Visual History of Russia of the 20th Century]. (2008). 476 p. Chelyabinsk, Kamennyj' pojas.
- Panakova, Ya. (2007). *Vizual'ny'e metody': na puti k postizheniyu migracionnogo opyta* [Visual Methods: On the Way towards Visual Image Comprehension]. In *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 10 (4), pp. 165, 161–177. Available at: www.old.jourssa.ru/2007/4/7aPanakova.pdf (accessed: 08.07.2013).
- Pikhan, G. (2014). *Moya Rossiya. Temy' i obrazy'* [My Russia. Themes and Images]. In *Quaestio Rossica*, 1, pp. 36–52.
- Porshneva, O. (2014). Image of the German enemy as perceived by Russian army soldiers during World War I. In *Quaestio Rossica*, 1, pp. 79–94.
- Razlogov, K. (2010). *Iskusstvo e'krana: ot sinematografa do internet* [The Art of the Screen: From Cinematography to the Internet]. 287p. Moscow, ROSSPE'N.
- Roberts, Gr. *Imperial Visions: Packaging Design, Branding and National Identity in Contemporary Russia*. Available at: https://www.academia.edu/5443570/Imperial_Visions_Packaging_Design_Branding_and_National_Identity_in_Contemporary_Russia (accessed: 21.01.2015).
- Rodigina, N. I. (2006). «Drugaya Rossiya». *Obraz Sibiri v russkoj zhurnal'noj presse vtoroj poloviny' XIX — nachala XX veka* [Another Russia: Images of Siberia in the Russian Magazines of the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries]. 328 p. Novosibirsk, Izd-vo NGPU.
- Rodnyanskaya, I. B. *Hudozhestvenny'j obraz* [Artistic Image]. In *Bol'shaya sovetskaya e'nciklopediya*. Available at: <http://slovari.yandex.ru/~knigi/BSE/Hudozhestvenny'j%20obraz/> (accessed: 08.12.2014).
- Rossiiskij festival' antropologicheskikh fil'mov [Russian Festival of Anthropological Films]. Available at: <http://rfaf.ru/rus/video/203> (accessed: 15.12.2014).
- Rubinina, Z. M. (2014). *Semejny'j fotograficheskij arhiv kak istoricheskij istochnik (na primere arhiva sem'i Levickih iz kollekcii GIM)* [Family Photographs as an Historical Source (with Reference to Levitsky Family Archive from the GIM Collection)]. In *Dialog so vremenem* (Iss. 46, pp. 109–120).
- Sekirinskij, S. S. (Ed., Comp., Foreword). (2004). *Istoriya strany'. Istoriya kino* [A History of the Country. A History of the Cinema]. Moscow, Znak.
- Senyavskaya, E. S. (2006). *Protivniki Rossii v voynah XX veka. E'voljuciya obraza «vraga» v soznanii armii i obshhestva* [Russia's Enemies in the 20th Century Wars. The Evolution of the Enemy's Image in the Consciousness of the Army and Society]. 288 p. Moscow, Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N).
- Senyavskij, A. S. & Senyavskaya, E. S. (2006). *Istoricheskaya ime'dzhinologiya i problema formirovaniya «obraza vraga» (na materialah rossijskoj istorii XX v.)* [Historical Imaginology and the Issue of Enemy's Image Formation]. In *Vestnik RUDN*, 2 (6), pp. 54–72.
- Shherbakova, E. I. (2011). *Vizual'naya istoriya: osvoenie novogo prostranstva* [Visual History: Exploration of New Spaces]. In Bordyugov, G. A. (Ed.) *Istoricheskie issledovaniya v Rossii — III: Pyatnadcat' let spustya* (pp. 473–488). Moscow, AIRO-XXI.

Uchebno-nauchnyj centr vizual'noj antropologii i e'goistorii [Education and Scientific Centre of Visual Anthropology and Its History]. Available at: <http://visantrop.rsuh.ru/> (accessed: 11.06.2014).

Usmanova, A. *Vizual'ny'e issledovaniya kak issledovatel'skaya paradigm* [Visual Research as a Research Paradigm]. Available at: <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=108> (accessed: 16.01.2013)

Utehin, I. & Paperno, S. & Ris, N. & Nahimovski A. (2007). *Virtual'nyj muzej sovetskogo by'ta «Kommunal'naya kvartira»* [The Virtual Museum of Soviet Everyday Life "Communal Flat"]. Available at: <http://kommunalka.colgate.edu> (accessed: 15.06.2013).

Vizual'naya antropologiya: rezhimy' vidimosti pri socializme [Visual Anthropology: Modes of Visibility under Socialism]. (2009). 448 p. Moscow, Variant & CSPGI.

Vorob'ev, S. V. (2004). *Social'nyj portret kommunistov Urala nachala 1920-h gg.: istochnikovedcheskoe issledovanie materialov Vserossijskoj perepisi chlenov RKP(b) 1922 g.* [Social Portraits of Ural Communists of the Early 1920s: A Source Study of Materials of the All-Russian Census of RCP(b) Members]. (A PhD Thesis in History). Yekaterinburg.

Yarskoj-Smirnovoj, E. & Romanova, P. (Eds.). (2009). *Vizual'naya antropologiya: nastrojka optiki* [Visual Anthropology: Lenses Adjustment]. 296 p. Moscow, Variant & CSPGI.

The article was submitted on 20.06.2015

Людмила Николаевна Мазур,
доктор исторических наук
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
Lmaz@mai.ru

Lyudmila Mazur, Dr.,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
Lmaz@mai.ru